

A portrait of Anatoly Karpov, a world chess champion, looking intently at the camera while playing a chess game. He is wearing a red and white checkered shirt. Chess pieces are visible in the foreground, slightly out of focus.

ЖИЗНЬ И ШАХ- МАТЫ

А Н А Т О Л И Й

КАРПОВ

МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Иконы спорта

Анатолий Карпов

**Жизнь и шахматы.
Моя автобиография**

«ЭКСМО»

2021

УДК 794.1:929
ББК 75.581

Карпов А. Е.

Жизнь и шахматы. Моя автобиография / А. Е. Карпов —
«Эксмо», 2021 — (Иконы спорта)

ISBN 978-5-04-162623-5

Как добиться успеха? Как выстоять в мире подковерной возни и хитрых интриг? Как не растерять себя, совмещая в течение долгого времени ипостаси великого спортсмена, государственного деятеля, знаменитого на весь мир филателиста, президента Фонда мира, депутата Государственной Думы и руководителя огромного количества шахматных клубов и школ? Об этом и не только вы узнаете из захватывающей автобиографии двенадцатого чемпиона мира по шахматам. Жизнь в Советском Союзе и в современной России, путешествия по миру и впечатления о любимых городах и странах, занимательные истории о знакомствах с великими актерами, художниками, музыкантами, спортсменами и политиками — вот лишь часть того, о чем рассказывает великий шахматист. Впервые раскрывается полная история соперничества с Корчным и Кас паровым и жесткая правда о борьбе с Илюмжиновым за пост президента FIDE. Эту книгу оценят не только поклонники шахмат и любители мемуаров, но и ценители истории, приключений, политических детективов и даже глянцевого журналов о жизни селебрити. Ведь такой любопытной партии Анатолий Карпов до этого никогда не играл. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 794.1:929
ББК 75.581

ISBN 978-5-04-162623-5

© Карпов А. Е., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	7
Первое знакомство	7
От практики к теории	12
Приближение к мэтрам	16
Увлечение или судьба?	19
Глава 2	24
Выхожу на мировую арену	25
Гроссмейстер из Каракаса	31
Планета по имени Корчной и неуловимый Бобби	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анатолий Евгеньевич Карпов

Жизнь и шахматы

© Карпов А.Е., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Начало пути

*Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься.
Это непременно необходимо во всяком благоустроенном
семействе...*
(А. С. Пушкин)

Первое знакомство

– Шах! – ферзь мгновение парит над полем и почти бесшумно останавливается перед королем противника. С кровати мне не видно доски, но по напряженной позе отца я понимаю, что это еще не финал. Соперник может ускользнуть, придумать ловкий ход, изменить позицию, провести мощную атаку и вырвать победу.

В комнате висит тишина: серьезная, но не тяжелая. Нет в ней ни гнета, ни бремени, ни опасности. Мне спокойно и радостно от этой тишины. Будь я чуть старше, я бы мог назвать это состояние гармонией, умиротворением, безмятежностью. Но мне только четыре, и я пока не умею разбираться в своих внутренних настроениях. Однако чувствую, что, как только деревянные фигуры начинают свое волшебное движение по клеткам, что-то внутри меня отзывается какой-то чудесной мелодией, которая не слышна другим. А мной она овладевает совершенно. Заставляет вдохновенно следить за неспешным маршем то робких, то просто деловых, то неожиданно решительных пешек. Неотрывно наблюдать за плавным скольжением вовсе не грузных слонов и за резкими скачками грациозных коней. Поглядывать на строгую, неприступную башню, называемую ладьей, и стараться предугадать, когда из терпеливого стража-охранника она преобразится в грозного воина. Сопереживать королю, которого, несмотря на все старания верного войска, неминуемо ждет поражение. И восхищаться, и преклоняться перед доблестью, благородством, жертвенностью и мастерством ферзя.

Я прикрываю глаза и снова вижу плывущую над доской белую фигуру. Она тонка и изящна, но обманчивая легкость не может заставить забыть о скрытой в ней силе и власти, которую она постоянно проявляет на поле, предавая сражению ту остроту и накал, без которых невозможна ни одна настоящая битва. Если король – терпеливый тактик, ожидающий от своей армии хитрых ходов и блестящих атак, то ферзь – отчаянный полководец и вместе с тем мудрый стратег, умеющий не только нападать, но и маневрировать, и при необходимости отступить, передохнуть, снова собраться и так развернуть на поле свои войска, что сопернику неминуемо придется отойти и признать поражение.

Ферзь в моем воображении вальсирует над доской, и я, конечно, не слышу приближающихся к кровати шагов.

– Опять? – Строгий вопрос мамы обрывает мелодию, ферзь падает, и мне кажется, я слышу громкий стук деревянной фигуры. Распахиваю глаза и понимаю, что стук действительно был. Это сосед положил короля на доску, признавая превосходство отца.

Мне неуютно под строгим взглядом матери. Я пойман, уличен, застукан. Ведь она строго-настрого запретила мне играть даже в воображении. Почему-то мое увлечение доской и фигурами казалось ей страшным и опасным. Она настолько привыкла бояться за мое физическое здоровье, что живой интерес к шахматам у маленького ребенка показался ей симптомом психического недуга. Страхи эти вполне объяснимы – мама никак не могла избавиться от страха меня потерять. Ведь это едва не произошло. Мне не было и двух лет, когда коварный коклюш

привел меня к порогу смерти. Я задыхался, изо рта шла пена, и врачи, не выбирая выражений, сообщили маме, что часы мои сочтены. Не представляю, как можно выдержать подобную весть, как найти в себе силы куда-то двигаться и что-то делать. Но мама сделала: послушала двух моих бабушек и священника, которые в три голоса твердили, как будет ужасно, если невинное дитя преставится некрещеным. Решиться на подобный шаг в те годы – огромный риск. Еще был жив Сталин, и, скорее всего, если бы о мамином поступке стало известно, карьера отца закончилась бы в одно мгновение. Но по сравнению со смертью ребенка ничто не имело значения.

Насколько же страшно было маме отрывать меня от себя, насколько жутко было видеть, как меня – полуживого – окунают в ледяную купель! Но холодная вода стала тем самым клином, что вышиб из меня коварный коклюш. От стресса я закричал во всю мочь, а священник засмеялся и объявил свой вердикт:

– Жить будет.

Я выжил, но продолжал доставлять маме постоянные волнения своими бесконечными простудами: фарингиты, тонзиллиты, ларингиты были моими постоянными спутниками. Если и быть благодарным моему плохому здоровью, то только за то, что мама не долго думая ушла с работы и посвятила себя заботам обо мне и о моей старшей сестре – Ларисе. И сделала она это настолько комфортно и ненавязчиво, что мы в отличие от многих других детей, которых берегут от детских яслей и садов, выросли не аморфными и инфантильными, а по-настоящему зрелыми и самостоятельными людьми.

Моя очередная простуда случилась как раз вскоре после того, как мама, не разобравшись в том, насколько моя возня возле доски близка к настоящим шахматам, забрала ее у меня и решительно запретила брать фигуры. Но запрет только распалил мой интерес, я не мог удержаться себя и не хотел. И прежде чем заболеть физически, я успел заболеть ментально – заболеть шахматами. Лежа в кровати под одеялом, из-под которого мне не позволяли вылезать, я обнаружил, что для игры в шахматы совсем не обязательно использовать доску и фигуры – их можно сколько угодно рисовать в воображении, и это нисколько не надоедает. Я настолько увлекся своим открытием, что не заметил, как подошла мама и стала пристально меня рассматривать. Мое поведение и мой внешний вид ее насторожили. Я не спал и не играл с игрушками, но вместе с тем находился в каком-то видимом напряжении, будто решал очень сложную, одному мне ведомую задачу. Мама попыталась окликнуть меня, но я лишь отмахнулся и продолжил витать в собственных мыслях. Мама не знала, что делать, молча наблюдала за мной, а потом спросила, пораженная:

– Играешь?

Я только кивнул, соглашаясь, и жестом попросил ее не мешать.

– Прекрати немедленно! – Мама повысила голос, нахмурилась. – Я же тебе запретила!

Я не понимал ее негодования, но прекратил. Тем более что думать во время скандала невозможно. Ощувив мое расслабление и покорность, мама ушла. А я повернулся к стене, чтобы она решила, будто я сплю, и больше меня не беспокоила, восстановил в памяти позицию прерванной партии и спокойно продолжил свою игру. С тех пор я играл практически постоянно, и вот опять меня уличили в неповиновении.

– Женя, – мама пристально смотрит на меня, но обращается к отцу, – он снова не спит и, кажется, снова играет. – В ее голосе больше растерянности, чем угрозы, и во мне яркими искрящимися лучами вспыхивает надежда: а вдруг, а что, если сейчас... Из-за мамы я не вижу отца, который все еще сидит за доской, но чувствую, что он вот-вот что-то ответит, и почему-то уверен в том, что от его ответа зависит все мое будущее.

Родители считали меня слишком маленьким, чтобы допустить к шахматам. Очевидно, они считали, что фантазии четырехлетнего ребенка должны быть заняты чем-то другим. Но для меня шахматы были армией солдатиков, которые вели интереснейшие сражения. И не важно, где проходили бои: на ковре или в моей голове. Они не становились от этого менее зна-

чимыми и захватывающими. Состояние войны естественно для любого мальчишки, юноши, мужчины. Если не с кем воевать во внешнем мире, он отыщет демонов внутри себя и снова начнет пытливно думать, вырабатывать стратегию, искать ходы. Так что, в сущности, разыгрывая в уме шахматные партии, я предавался занятию, свойственному практически любому человеку мужского пола.

– Знаешь, Никуль, – ровный голос отца заставил мое сердце встрепенуться и заколотиться в трепетном ожидании, – ведь ничего плохого в интересе к шахматам нет. – Я уже не мог сдерживать ни улыбки, ни отчаянного желания вскочить с кровати. Я сел и смотрел на отца в нетерпеливом ожидании.

– Нет, но... – Мама всплеснула руками и села со мной рядом. От прикосновения ее плеча сразу стало тепло и как-то очень нежно. Я чувствовал ее внутренние метания и, хотя она продолжала молчать, казалось, слышал ее мысли: «Он постоянно болеет. Эти страшные бронхиты. А тот ужасный случай, когда Толю едва вытащили с того света. Ему бы закалку, спорт: коньки или лыжи, или футбол, например. Да, все нормальные мальчишки пинают мяч, гоняют в казаки-разбойники, стреляют из рогатки, а наш лежит и смотрит в ковер на стене невидящим взглядом, и кто его знает, что на самом деле происходит в его голове. Конечно, в интересе к шахматам нет ничего плохого, но его интерес переходит все границы!»

– Но запретный плод сладок, Нина. – В тоне отца появляется твердость, с которой мама никогда не спорит. Отец – глава семьи, непререкаемый авторитет и безусловный пример во всем. Вот и сейчас мама кивает, соглашаясь, и, кажется, я вскакиваю еще до того, как услышал призывное: – Иди сюда, сынок!

Забираюсь к отцу на колени, он спрашивает:

– Знаешь, как ходят фигуры?

Киваю и передвигаю несколько пешек, толкаю по диагонали слона, подскакиваю в сторону конем.

– Молодец! – Похвала разливается по моим щекам густым и приятным румянцем. – Ходы действительно выучил. А что же такое шахматы на самом деле? – Я молчу, не понимая вопроса. В чем подвох? К чему спрашивать? Ясно же, что это игра. Белые бьют черных или наоборот. Есть победитель и проигравший, порой случается ничья. Вот и все. Никакой хитрости. Но я уже знаю, что отец не был бы отцом, если бы спрашивал просто так, поэтому просто пожимаю плечами и терпеливо жду продолжения.

– Давным-давно, сотни и сотни лет назад... – Я прижимаюсь к отцу и прикрываю глаза. Как здорово – будет сказка! – В далекой стране Индии жил один раджа.

– Кто?

– Раджа – правитель, как царь или король.

– Аааа...

– Раджа ходил в походы, считал золото в своей казне, прогуливался по богатому дворцу и дивному саду, ездил на слонах и умирал от скуки.

– Правда? – Разве можно умирать от скуки, катаясь на слонах?

– Истинная. Так ему надоело все время делать одно и то же, что однажды объявил он всем своим подданным, что тот, кто сможет его удивить и избавить от скуки, сможет попросить у него все что душе угодно. И вот ко дворцу стали стекаться люди. Богатеи несли золото и драгоценные камни, мудрецы – книги, погонщики – слонов и верблюдов. Но богатств радже хватало своих: казна ломилась, библиотека была переполнена, а зоопарк изобиловал редкими видами животных и птиц. Ничто не могло поразить раджу. Все ему было не ново, все скучно, пресно и совершенно неинтересно. И вот однажды пришел во дворец простой человек с деревянной клетчатой доской и лежащими внутри фигурами и пообещал радже, что как только он объяснит ему и его визирям правила игры, у них будет развлечение на долгие годы. Человек показал радже, как двигать фигуры, и игра началась. Каждый раз, приближаясь к королю,

раджа кричал: «Шах!» – что в переводе с персидского означает король, а выиграв, расплылся в улыбке и произнес «Шах. Мат», что переводится как «смерть короля». Игра, которая тут же обрела свое название, так понравилась радже, что он предложил дарителю озвучить свое желание, которое сразу будет исполнено.

– Хочешь десяток слонов или рубиновую брошь? А может быть, осыпать тебя бриллиантами? Поверь, мне ничего не жаль для того, кто прогнал мою скуку.

– О, великий раджа! – смиренно отвечал человек. – Я – обычный крестьянин. Что за польза мне от слонов и бриллиантов? Вот если бы ты мог поделиться со мной пшеницей...

– Конечно! – Раджа и рассчитывать не мог на такую удачу. – Сколько ты хочешь?

– Хочу, чтобы на первую клетку ты положил одно зернышко. Но на каждую следующую клетку на доске клади вдвое больше, чем на предыдущую.

– И все? – Раджа не скрывал удивления. Просьба показалась ему пустяковой. Он не сразу понял, что на доске шестьдесят четыре клетки и количество зерен, которые в итоге придется отдать, будет неисчислимым.

– И отдал? – Я затаил дыхание.

– Отдал. – Отец улыбнулся. – Так что же такое шахматы, сынок?

– Смерть короля, – торжественно объявил я, буквально наблюдая за тем, как воображаемый король падает ниц и погибает. К моему удивлению, взрослые засмеялись.

– Нет, малыш. – Отец ласково треплет мои волосы и говорит: – Шахматы – это то, что может помочь тебе обрести столько пшеницы, сколько ты захочешь.

Конечно, тогда я не понял глубокого философского смысла этой фразы, но хорошо запомнил то возникшее во мне ощущение трепета, которое появляется каждый раз, когда тебе доверяют важную тайну. С того момента запрет на игру родители сняли, но решили не выпускать ее из-под контроля. Отец сам предложил мне сыграть: принес доску, поставил передо мной:

– Ну, давай, сынок, покажи, что ты умеешь.

Радость настолько поглотила меня, что я сдался в плен нахлынувшим чувствам, совершенно забыв о разуме. Оказывается, я так ждал приглашения, так хотел его, что, дождавшись, ринулся в бой с усердием пахаря, который жаждет вырастить хлеб, но вместо сорняков выпалывает колосья. Я так хотел поразить отца своими умениями, так спешил понравиться, так мечтал услышать похвалу, что совершал ходы, совершенно не задумываясь о последствиях. Брал то одну фигуру, то другую, ощущая лишь непередаваемый восторг и безудержное счастье. Опомился я, только когда увидел, что моя армия почти полностью уничтожена. Солдаты отца, выдвинувшись вперед, возвышались мрачными исполинами по всей доске. Разгром мой был очевиден и безоговорочен.

Сейчас я прекрасно понимаю, что отец несколько не пытался меня обыграть, напротив, он был только за то, чтобы потешить детское самолюбие и уступить моему напору. Но напор оказался слишком горяч, и в его жаровне я не заметил, как увлекся. Отец пытался уберечь меня от провала, следил за тем, чтобы его фигуры не попадали под мои безудержные ходы, а когда заметил во мне понимание происходящего, не стал доводить партию до мата и фиксировать результат, лишь дипломатично сказал:

– Что-то маловато фигур у нас осталось, играть почти нечем. Может быть, еще разок?

Я ухватился за это предложение и тут же, забыв обо всем, снова отчаянно ринулся вперед. Но теперь отец остановил меня. По его представлениям в любом деле, даже в игре, должен был быть свой порядок, система и, взявшись учить меня, собирался делать это так же неторопливо и добросовестно, как делал все в своей жизни.

– Не спеши! – сказал он миролюбиво. – Сперва подумай – потом ходи.

Элементарная заповедь на все случаи жизни, но не все принимают и понимают ее сразу. Мне повезло: я тут же почувствовал и ее значение, и смысл, и правоту, только исполнить не

смог. Я был слишком мал, чтобы учитывать в своем плане волю, стратегию и мысли соперника. Это оставалось за пределами моего понимания, так что, надо признаться, умел я в шахматах на тот момент довольно мало.

С той поры наши «встречи» с отцом стали регулярными, но заканчивались всегда одинаково – моими слезами. Однажды отец не выдержал очередного потопа и строго сказал:

– Еще раз заревешь, сынок, – я с тобой больше играть не сяду.

Я привык, что дважды в нашем доме родители никогда и ничего не повторяли. Слезы быстро высохли, а непродуктивная тактика постоянных страданий сменилась острым желанием достичь уровня отца. Мне понадобилось на это целых три года! Три года, чтобы догнать в общем не особо сильного игрока уровня второго разряда. Но зато равенство наше длилось недолго. Уже к восьми годам я регулярно выходил победителем в наших партиях, а к девяти мы и вовсе потеряли интерес к совместной игре, так как результат стал очевиден и неотвратим.

К этому моменту я уже занимался в шахматном клубе, куда меня привели товарищи по двору. На улице я приобрел статус местной знаменитости, хотя первую шахматную баталию умудрился проиграть своему будущему хорошему другу – Саше Колышкину, который был на пять лет старше и учился в одном классе с моей сестрой. И проиграл я партию совершенно бездарно, имея неоспоримое преимущество и все шансы на победу. Но в эндшпиле, распалая зрительями, я начал играть на публику, небрежно и безоглядно, делал очевидные и легковесные ходы, за что и поплатился. Гармония партии распалась в одночасье, а я, увлеченный актерством и поддержкой «трибун», умудрился это пропустить. Я мог выиграть самую первую партию во дворе, и осознание этого меня потрясло, а еще больше потрясло понимание того, насколько глупым оказалось поражение.

В тот день я снова заплакал. Старшие товарищи что-то говорили мне, пытались успокоить, что-то объяснить, хвалили меня неустанно и даже лукавили, что не понимают, как все это вышло. Но я это прекрасно понимал, а еще понимал, что плачу при всех в последний раз.

От практики к теории

Дворовые поединки стали моим любимым времяпрепровождением, я совершенствовался, рос и, достигнув в своем понимании должного мастерства, попросил старших ребят взять меня в клуб, где, по слухам, как раз комплектовался турнир на получение третьего разряда. Просьба моя не могла не показаться им забавной. Ребята были и порядком старше меня, и, конечно, выше, успели к тому времени сыграть в квалификационных турнирах, где существовало три юношеских разряда и еще два мужских. Но отказывать товарищи не стали и привели меня к секретарю шахматной секции – Алексею Ивановичу Паку. Днем он работал металлистом в горячем цеху, а по вечерам руководил клубом. Были в нем и мудрость, и доброта, и педагогический дар, поэтому на просьбу ребят он откликнулся, не стал отмахиваться, но предложил компромисс:

– Включу вашего Карпова в турнир, если пройдет испытание.

– Какое?

– Контрольная партия с одним из нас. Выиграет – добро пожаловать на турнир, нет – до свидания.

Ребята идею поддержали, они хотели, чтобы все увидели – они привели настоящего шахматиста, а не какого-то проходимца. Я воспринял предложение даже с энтузиазмом – не хотел никаких поблажек. Пак, явно не страдавший отсутствием чувства юмора, назначил мне в соперники старейшего члена клуба – Морковина, разменявшего восьмой десяток. Мой визави старался изо всех сил, но я вырвал победу без особого труда, получил законное право сыграть в турнире, который провел успешно, и с первой попытки выполнил норму третьего разряда.

Так я стал полноправным членом шахматного клуба. Клубом, конечно, нашу секцию можно было назвать с большой натяжкой. Мы теснились в сорокаметровом помещении, выделенном Дворцом спорта металлургического завода. Впрочем, назвать двухэтажный амбар с малюсенькими окнами дворцом пришлось в голову, скорее всего, тому, кто сделал его фасад наивно помпезным, совершенно забыв о внутреннем наполнении. За дверью располагались два зала: баскетбольный и легкой атлетики и несколько больших комнат, одна из которых – сплошь заставленная столами – принадлежала нам.

Считалось, что мы там – в единственном месте в городе – занимаемся шахматами. Я бы не называл это занятиями, ведь мы ничего не изучали. В секции не было никакой шахматной литературы, за исключением нескольких потрепанных, ничем не примечательных книжонок. Непримечательных потому, что я не могу вспомнить названия ни одной из них. Не было и специальных преподавателей-методистов. В общем, никакой теории, одна сплошная практика: часами, до изнеможения, до полного утомления мозгов, десятки партий подряд. Редкие уроки тоже были наглядными – нам разрешалось наблюдать за партиями заезжих шахматных гастролеров. Но приезжали они, конечно, нечасто.

Я люблю свою малую родину, но понимаю, что большинство людей предпочитают демонстрировать себя и устраивать свою жизнь в больших городах. Мой Златоуст – небольшой город в Челябинской области – обязан своим названием промышленной разработке недр Южного Урала, которая началась в середине восемнадцатого века тульскими промышленниками Мосоловыми и продолжается до сих пор. Оружейный завод, фабрика по литью пушек, изготовление гравюр на металле – всем этим был славен Златоуст задолго до революции, а с приходом советской власти остался центром качественной металлургии. После окончания Великой Отечественной войны город стал центром не только металлургической, но и машиностроительной области, увеличилась площадь города, в два раза выросла численность населения, в основном за счет рабочих и специалистов, приехавших на Урал в эвакуацию и решивших остаться здесь после Победы. На машиностроительном заводе работали и мои родители. Отец – мастером,

затем начальником цеха, мама служила экономистом на производстве. Если бы меня попросили дать родителям короткую характеристику, я бы ответил просто: рабочие люди. Но разве можно в двух словах описать тех, кому ты стольким обязан? Нет-нет, мои родные достойны того, чтобы еще появиться в книге в отдельной – «не шахматной» – главе. А здесь еще раз скажу, что труда они никогда не боялись, да и как могли его бояться труженики тыла, которые работали по пятнадцать-шестнадцать часов в день, спали на заводе, потому что дома – уставшие – могли проспать рабочую смену, несмотря на то что завод давал громкий предупредительный гудок о начале работы.

Я хорошо помню эти заводские гудки, звучавшие и в первые послевоенные годы. Если завод зимним утром в семь часов трубил один раз – в школу не идут начальные классы, два – дома остаются и средние, три – все школы закрываются из-за сильных морозов.

Школы закрывали, а в шахматную секцию можно было ходить в любую погоду – ведь возрастного ценза там не было. Справедливости ради стоит сказать, что теоретические занятия все же иногда случались, но системы в них не было никакой. Пак по собственному желанию и наитию мог неожиданно объявить:

– Завтра изучаем королевский гамбит. Прошу подготовиться. – Как готовиться, не имея на руках никакой даже самой захудалой книжонки, он не говорил. А мы и не спрашивали, понимали, что Паком овладел очередной педагогический зуд, который скоро закончится. Действительно, хватало его на час-полтора, после чего все с удвоенным рвением принимались играть, будто хотели нагнать упущенное в рассказах время.

Мы жили шахматами и не ждали от них ничего, кроме живых положительных эмоций. Все в клубе, не исключая меня, были уверены, что играют в те же шахматы, что Алехин и Капабланка. Просто наш уровень на порядок уступает уровню великих мастеров. Какая наивность! Мы существовали в том простом шахматном мире, где никому не приходит в голову, что истинный смысл шахмат вовсе не в активности, а в равновесии. Теория казалась мне занятием скучным и даже ненужным. Откуда мне было знать, что любимая мною система развития, которую я выработал собственными умозаключениями, – это известная еще со Средних веков испанка? Мой винегрет, конечно, отличался от строгой интерпретации оригинала, но мотивы были слышны довольно явственно.

В клубе мы, конечно, росли. Сначала играли как бог на душу положит, затем увлеклись королевским гамбитом, который долго оставался в моде. Потом пришли к сицилианской защите, ребусы которой окончательно разгадать не смог никто из нас. Для этого не хватало определенной шахматной культуры, которой у нас – охваченных любовью к игре и жадой познания – тогда еще не было.

Но сами участники клуба были о себе довольно высокого мнения. Помню, с каким апломбом, с какой язвительной иронией говорили мы об английском начале как о вопиющей демонстрации излишней медлительности. Мы даже представления не имели о том, что в каждом дебюте заложена своя философская идея. Впрочем, что касается философских идей, ни одна из них не была нам знакома.

А я и подавно скучал. Дебютные схемы напоминали мне скелеты вымерших животных. В них не было жизни, драйва, огня. Мне был понятен их прагматизм, но его пресность не привлекала. Он мог вызвать любопытство на короткое время, но никак не длительный интерес. Я был слишком мал, чтобы оценить причину такого своего отношения, слушал рассказы о схемах очередного дебюта вполуха и прикидывал, сколько же лицезреть можно было уже сыграть вместо того, чтобы так бездарно тратить время.

Это первое и довольно неудачное знакомство с теорией шахмат тем не менее навсегда предопределило мое отношение к дебютам, которым я со всей ответственностью и совершенно искренне могу назвать прохладным. Впрочем, неприязнь к шахматной теории в те годы несколько не мешала моим шахматным успехам.

В десятилетнем возрасте я выполнил норму первого разряда и был отправлен на чемпионат России среди юношей в Боровичи – маленькое местечко между Москвой и Ленинградом. Условия там даже по советским меркам были ужасные: спали по десять человек в одной комнате, душ оставался недостижимой мечтой. Остальные участники турнира были в полтора раза старше меня и опекали как могли. Чтобы не стоять всю игру, мне приходилось приносить с собой подушку и подкладывать ее на стул, но даже это едва помогало мне выглядывать из-за доски.

Эти соревнования помню еще так хорошо, потому что начал их – практически единственный раз в жизни – сразу с двух поражений подряд, потом все же набрал 3,5 очка, приободрился, но тут же снова «получил по носу» от старшего соперника из Краснодарского края по фамилии Потупа. Выдержки и собранности мне – мальцу – тогда еще не хватало. Помню, выбежал из турнирного зала и разревелся, но слезы были спасением – эмоции нашли выход, что позволило успокоиться и взять себя в руки. Турнир я закончил достойно, в Москву, где на вокзале меня встречали мама с сестрой, возвращался с ощущением собственной значимости. Эти чувства абсолютно противоречат тому впечатлению, которое я производил на окружающих, в том числе и на маму, которая так вспоминала нашу встречу на перроне:

– Ты стоял такой маленький, растерянный, со взглядом затравленного волчонка. Чемодан, казалось, делал тебя еще меньше. Ты был в замызганных коротких штанишках на скрученных бретельках, в грязной измятой рубашке, в порванных сандалиях – невымытые пальцы выглядывали через излохматившиеся дыры.

Могу представить, какой жалкий вид у меня был, но внутри все буквально лопалось от гордости. За успехи в шахматах администрация Челябинской области наградила меня путевкой в «Орленок», куда я и отправился сразу по прибытии с турнира.

Знаменитый впоследствии на всю страну лагерь в свою первую смену шестьдесят первого года был обычным палаточным городком на песке – на Черноморском побережье недалеко от Туапсе. Благоустроенные корпуса построили спустя несколько лет. Отбор в «Орленок» был действительно жестким, попасть туда можно было, только обладая талантом в какой-то области знаний. Мы все – участники первой смены – сразу это почувствовали, поняли, что произошел уникальный слет ребят со всей Российской Федерации.

Как только прошли первые конкурсы самодеятельности и первые спортивные состязания, вожатые увидели, насколько большим потенциалом обладают их подшефные. Кто-то предложил фантастическую идею – вызвать на поединок ребят, собравшихся во всесоюзном «Артеке». Представляю, сколько согласований в различных инстанциях потребовалось бы в нынешнее время, чтобы мероприятие состоялось. А тогда директора лагерей спокойно обо всем договорились между собой, и мы на тринадцати автобусах поехали из Туапсе за девятьсот километров в Крым.

Артековцы почему-то отнеслись к нашему визиту довольно легкомысленно, считали, что они заранее превосходят нас во всем лишь потому, что оказались в «Артеке». Но мы не позволили им насладиться ожидаемым триумфом – разгромили практически во всех конкурсах и состязаниях. Разумеется, я принимал участие в шахматном турнире, в котором мы с командой легко одержали верх.

Никто из российских «орлят» до этого путешествия в Крыму не бывал, поэтому, пользуясь случаем, нам решили показать весь полуостров. Из Артека мы отправились в Севастополь. Там впервые я попал на подводную лодку – еще образца Великой Отечественной войны, – где экскурсию нам провели настоящие военные моряки. После Севастополя нас повезли в Бахчисарай, оттуда в Феодосию в музей Айвазовского и в Керчь. Я был переполнен впечатлениями. Чего только стоят воспоминания о ночевке под Керчью в спальных мешках в открытой степи.

Вообще, мое детство не сильно отличалось от детства любого другого среднестатистического советского ребенка. Считается, что спортсмены заняты исключительно своим делом

и ни на что другое у них не хватает времени. Позволю себе не согласиться. Всегда можно и нужно находить минутку для других развлечений, иначе ни один человек, а тем более ребенок, не выдержит такой жизни. Я много и с удовольствием читал, причем шахматные книги не выделял из ряда других. Напротив, мне нравилась литература, которую обычно предпочитают мальчишки: фантастика, книги о войне, шпионские и криминальные приключения, описания экзотических путешествий. Собирать шахматную библиотеку я даже не думал. Казалось, нет в этом, ни интереса, ни смысла, но тем не менее книги настигали меня самыми разными путями. Первая – «Курс дебютов» Панова – попала мне в руки, когда я оказался в шахматном клубе. Но, разумеется, при моем отношении к дебютам не смогла оставить особого следа ни в моей душе, ни даже в памяти. Вторую книгу подарил мне отец на восьмой день рождения. Вот это была книга! Я до сих пор поверить не могу, что подобную ценность в те годы можно было легко приобрести. «Избранные партии Капабланки» я не просто прочитал вдоль и поперек, я буквально прожил каждую партию, прочувствовал каждый ход. Это была уже не скучная теория, а захватывающие приключения, которые поглощали целиком и не оставляли шансов никакому другому занятию.

Но занятия (и очень важные) все-таки находились. Я играл с мальчишками в казаки-разбойники, в лапту, в городки, бегал с друзьями через мост к оврагу на речку Громотуху, которая летом пересыхала, а по весне оживала, превращаясь в мощный, веселый поток. Осенью я ходил на реку с отцом. Это был своеобразный семейный ритуал по добыче больших булыжников. Мне нравилось в этих походах абсолютно все: и подготовка, и неспешные беседы о моих проблемах по дороге к Громотухе, и выбор камней: вдумчивый, придирчивый, тщательный. Потом этими булыжниками прижимали крышки на дубовых бочках, в которых мама солила капусту на зиму.

Особенной популярностью у детворы пользовался рынок, что находился на окраине Златоуста. Чего здесь только не было! И земляника, и черемуха, и крыжовник, и яблоки. И грибы во всех видах – свежие и сушеные, соленые и маринованные. И картошка, и капуста на все вкусы, и морковь, в которой надо было угадать сахарную, а не кормовую. И помидоры, среди которых знаток отыскивал «бычье сердце». И травы, и пряности, и орехи, и кислица – травка, которая напоминает щавель.

Появление кислицы ждали с особым нетерпением. Почему-то необходимо было точно вычислить утро, когда с Таганая – горы, где росла эта трава, – прикатит первая телега, и купить кислицу именно с воза. Считалось, что так и вкуснее, и сочнее, и слаще, ну и дешевле, само собой.

Особое место в моей жизни занимала школа. Опять же существует мнение, что на учебу у спортсменов никогда не хватает времени. Да, им ставят хорошие отметки, но все это благодаря особым успехам в спорте. И здесь я тоже не соглашусь. Спортсмены, как правило, очень организованные люди, предпочитающие любое дело, за которое берутся, выполнять по высшему разряду. Учатся отлично не по благу, а потому, что иначе не могут. Класс – это тот же ринг, корт, поле, забег, в котором ты должен финишировать победителем, обскакав лишь себя самого и свое не хочу и не могу. Впрочем, я учиться и мог, и хотел. Мне было все интересно. Я участвовал во всех подряд олимпиадах (школьных, городских, областных, республиканских) и в большинстве из них побеждал. Каждый класс я оканчивал с похвальной грамотой, но не потому, что стремился быть во всем первым или настолько любил учиться, а больше из-за того, что понимал: если не буду доставлять родителям никаких хлопот своей учебой, то временем своим мне позволят распоряжаться как угодно. Это желание свободы и независимости закончилось тем, что по окончании семилетки – школы № 3 города Златоуста – мне выдали удостоверение о том, что мое имя вносится в школьную летопись.

Приближение к мэтрам

Усердие в учебе позволяло родителям убеждаться в том, что шахматы не только не вредят, а даже помогают моему становлению. Никто больше и помыслить не мог о том, чтобы запретить мне играть в турнирах, даже если проходили они в другом городе и в учебное время. Мой первый постоянный шахматный маршрут за пределы Златоуста – это поездки в Челябинск, куда я регулярно навещался со старшими товарищами и на личные турниры, и на командные соревнования со сборной Челябинского тракторного завода. В областном центре я познакомился с замечательным шахматным педагогом – Леонидом Ароновичем Гратволом, благодаря усилиям которого выросли в Челябинске отличные шахматисты, ставшие впоследствии довольно известными: Евгений Свешников, Геннадий Тимощенко, Александр Панченко. Определенную роль сыграл Гратвол и в моем становлении, хотя мне удалось обыграть наставника уже в шестьдесят третьем году на первенстве Челябинской области, где я в одиннадцатилетнем возрасте выполнил норму кандидата в мастера спорта и таким образом заслужил право отправиться на сессии в только что организованную школу Ботвинника.

Чтобы представить, каким в ту пору я был еще наивным, достаточно одного факта: лишь от своих новых товарищей по школе я узнал, что Ботвинник – это настоящая фамилия чемпиона. Я был уверен, что и Таль, и Корчной, и Ботвинник – это псевдонимы, думал, что у шахматистов принято, поднявшись в верхний эшелон, скрывать свое настоящее имя. Так сказать, своеобразный ритуал. Причиной этой фантазии, скорей всего, была и экзотичность самих фамилий, и то, что в Златоусте такие не попадались.

Первая встреча с Ботвинником мне, конечно, запомнилась. Не думаю, что Михаил Моисеевич специально готовился к тому, чтобы произвести на нас особое впечатление, но каждое его слово было значительно, каждый его взгляд и жест, вся его осанка подчеркивали его олимпийство, его недостижимость. Проповедник научного подхода в шахматах, мэтр, объявивший, что прощается с ареной борьбы за первенство мира (он только что проиграл матч Петросяну), но пока не отказавшийся от участия в шахматных турнирах, он выразил готовность пестовать талантливую молодежь, передавать свой огромный и воистину бесценный опыт вживую, напрямую, чтобы свести к минимуму неминуемые потери информации.

Ботвинник был не просто мастер, набравший по другим мастерским лучшим из подмастерьев – он был для нас шахматным богом. В те годы он и сам слишком серьезно к себе относился: был слишком профессор, слишком чемпион мира, слишком знаменитый человек. На первом же занятии он как бы между прочим сообщил нам, что начал работать над шахматной программой для ЭВМ, которая через несколько лет начнет обыгрывать не только мастеров, но и гроссмейстеров, а со временем не оставит шансов и чемпиону мира. Говорил он спокойно, убежденно и аргументированно. Мы – дети – поняли только одно: мэтр сошел с дистанции, но вместо себя готовит бездушного шахматного киборга, который расправится со всеми и снова возвысит имя своего создателя. Шокированные, мы на несколько секунд притихли, а мастер, заметив произведенное впечатление, окинул нас сильным, холодным и уверенным взглядом и сказал:

– Не волнуйтесь, ребята! Сама по себе моя машина не заработает. В нее надо вдохнуть жизнь, вложить душу, а сделать это смогут только талантливые шахматисты – программисты. Вот вы и будете первыми.

Сам я никакого особого впечатления на Ботвинника тогда не произвел. Дело в том, что все ученики на первую сессию приехали с записями своих партий, чтобы мэтр понял и оценил, с кем, собственно, имеет дело. Вскользь, как я думаю, изучив мою тетрадь, Ботвинник выдал вердикт своему помощнику Юркову:

– Мальчик понятия не имеет о шахматах, и никакого будущего на этом поприще у него нет.

Полагаю, Михаил Моисеевич не стал утруждать себя основательным изучением моих записей. Думаю, дальше двадцатого хода он не заглядывал, а я – настоящий – начинался гораздо позже. Он просто не дошел до тех мест, где можно было рассмотреть мои лучшие качества.

Что я почувствовал, когда мне передали его слова? Честное слово, глубоко они меня не ранили. Неприятно, конечно, было, но переживаемо. Единственное будущее в шахматах, казавшееся Ботвиннику достойным, было звание чемпиона мира. Он полагал, что его школа должна стать трамплином для будущего чемпиона, а мы – ученики – катимся с этого трамплина к единственной цели – стать сильнейшими в мире. Но я в то время об этом не то чтобы не мечтал, а даже не думал, поэтому вердикт учителя воспринял без особых эмоций.

Недоверие вызывали у меня и слова Ботвинника, которые он повторял при каждой встрече, о том, что шахматы – это труд. Я же пропускал все его наставления мимо ушей. Он беспрестанно рассуждал о наивысших достижениях, которые меня тогда не привлекали. Я совершенно не сомневался в том, что шахматы навсегда останутся для меня только увлечением, интересной игрой, и не более.

Так получилось, что школа Ботвинника запомнилась мне больше всего не новыми знаниями, а той дружбой, что зародилась в ее стенах между нами – воспитанниками и, конечно же, шахматами, шахматами с утра до вечера, до одури, до упоения, до изнеможения. Мы играли постоянно, практически круглосуточно, за исключением утренних часов, когда шли занятия. Мне было очень интересно. Впервые я оказался в компании, где практически все опережали меня по уровню, но загадочным образом особое рвение в игре открывалось во мне ближе к ночи, я становился неудержимым в игре, и ничто и никто не могли остановить моих побед.

Обучение у Ботвинника стало тем бесценным опытом, который позволил мне развиваться и двигаться дальше, даже не осознавая тех шахматных уроков, которые я получил. Сложно сказать, что именно сослужило большую службу: общение с мэтром или наши бесконечные блицы с однокашниками. Во всяком случае после сессий в Москве я чувствовал себя на турнирах еще более уверенным, еще более сильным.

В шестьдесят шестом году я выполнил норму мастера спорта и получил возможность зарабатывать шахматами. Жалование, разумеется, было микроскопическим: я получал десять рублей за сеанс. Но никогда не приходило мне в голову играть ради того, чтобы заработать больше, чтобы всегда иметь в кармане свободные деньги. Заработка мне вполне хватало на самое большое после шахмат увлечение – коллекционирование марок, и я довольствовался тем, что перестал атаковать родителей просьбами пополнить собрание очередным шедевром.

Моя финансовая самостоятельность сложилась после нашего переезда в Тулу – решение, которое родители приняли, исходя из интересов детей. Представляю, как нелегко было им решиться на этот шаг. Ведь все корни у обоих веками прорастали в Златоусте, да и друзей на новом месте тоже еще надо было поискать. Когда люди решаются на такое, они выбивают у себя почву из-под ног, а вырастить новые всходы, когда тебе уже за сорок, не так уж легко. Впрочем, родители ехали не в никуда. Отцу, который в шестьдесят третьем году стал главным инженером Южно-Уральского совнархоза, в связи со снятием Хрущева и упразднением подобных организаций предложили на выбор сразу несколько мест. Он мог бы выбрать один из крупнейших заводов страны, но предпочел остановиться на небольшом предприятии в Туле. А все из-за того, что не стал ставить на первый план перспективы своей карьеры. Он рассудил, что детям переезд в Тулу будет удобнее, чем в какое-либо другое место. Моя сестра как раз собиралась поступать в Тульский политехнический институт, а мои турнирные пути с каждым годом все чаще пролегали через Москву, до которой от Тулы совсем недалеко.

Выбор отца сразу себя оправдал. Во-первых, мы наконец узнали, что такое финансовое благополучие. На новом месте отца оценили по заслугам, положив хорошее жалованье. Да и премии за свои многочисленные патенты и изобретения он получал с исправной регулярностью. Для моей сестры Тула стала абсолютно родным городом – Лариса живет там до сих пор. Ну а мне действительно была удобна близость этого оружейного города со столицей, с которой у меня были связаны далекоидущие планы.

Увлечение или судьба?

В шестьдесят восьмом году я, окончив школу с золотой медалью, поступал на механико-математический факультет МГУ. Почему именно туда? Полагаю, что учиться в главном вузе страны – мечта многих и многих. К семнадцати годам мне начали покоряться вершины шахматного мира, и, конечно, очень хотелось взять вершину и в жизни. Здание на Воробьевых горах завораживало величием и статью, казалось чем-то совершенно недоступным и одновременно жутко манящим. Казалось, что в его аудиториях не просто учат, а позволяют постичь какие-то глубокие тайны, подвластные только тем, кто принят в круг студентов МГУ. Конечно, то ощущение, присущее юности и неопытности, было ошибочным. Но все же думаю, что и сейчас абитуриенты, которые нацеливаются на Московский государственный университет и достигают намеченной цели, не могут не повторять волшебную мантру: «Я – студент МГУ. Я – студент МГУ».

Мне до произнесения этих слов сначала не хватило полбалла. Не знаю, что превалировало в моем нежелании сразу поступать по шахматным каналам: то ли природная скромность, то ли, напротив, гордость и амбиции, и потребность доказать всем и себе самому, что я способен взять этот рубеж без всяких льгот. Не увидев своей фамилии в списке поступивших, я тут же забрал документы и уехал в Ленинград, где меня с удовольствием приняли в Ленинградский военно-механический институт. Раньше существовало правило, что абитуриент, не добравший один балл при поступлении в ведущие ВУЗы страны (МГУ, ЛГУ, МФТИ и некоторые другие), имел право на автоматическое зачисление в любой другой выбранный институт.

Со студенческим билетом в кармане я вернулся в Москву и тут же отправился в Тулу к родителям. И совершенно неожиданно в электричке (как это вообще было возможно, если они ходили каждые два часа и не было известно, на какой именно я поеду!) меня нашли директор шахматного клуба МГУ и мой тульский тренер Мацукевич. Они сказали, что за время моего отсутствия Ботвинник и Смыслов написали официальное письмо министру образования Елютину с просьбой зачислить меня на курс и министр на их просьбу откликнулся. Я несколько растерялся от такого поворота событий и обратился за советом к отцу, который сказал, что будет вопиющим неуважением отказываться от ходатайства чемпионов мира по шахматам.

Надо было видеть лица людей в приемной комиссии сначала в Ленинграде, где я, едва получив студенческий билет, на следующий день приехал его сдавать, а потом в МГУ, куда я явился с документами после завершения приемной кампании.

- Зачем пришли? – удивились на мехмате.
- Сдать документы.
- Но и прием, и экзамены закончены.
- У вас должно быть распоряжение министра образования.
- Нет у нас никакого распоряжения!
- Значит, есть в Центральной приемной комиссии.

Так оно и было. Я стал студентом МГУ, но мог ли я, обрадованный перспективой обучения именно в том месте, о котором мечтал, представить, что спустя совсем недолгое время буду пытаться сбежать оттуда всеми возможными способами?

Предстоящая жизнь вдали от дома поставила меня перед необходимостью решать материальные проблемы. Конечно, я не мог пожаловаться на нищенскую студенческую стипендию, ведь еще в шестьдесят седьмом году, будучи школьником, стал инструктором второго класса и получал девяносто два рубля. Тогда оформление спортивной стипендии оказалось делом непростым: спорт переживал очередную реорганизацию, и по всем показателям было очевидно, что общество «Труд», в котором я состоял, со дня на день прекратит свое существование. Я долго безрезультатно обивал пороги кабинетов, но никому до меня не было ника-

кого дела. Неожиданно моими проблемами заинтересовались в другом клубе – армейском – и предложили перейти под их крыло. Уговаривать меня было не надо. Я успел сполна ощутить свою ненужность в «Труде» и понимал, что, в отличие от моего висящего на волоске общества, ЦСКА будет существовать всегда, и существовать совсем не дурно.

«Труд» не стал меня удерживать, и, в тот же день став армейцем, я очень быстро узнал прелести жизни члена этого клуба, где мне оформили и трудовую книжку, и положенный оклад. Став чемпионом мира среди юношей, я увеличил свое довольствие еще на пятьдесят рублей. А окончив школу, почувствовал необходимость в полной финансовой независимости от родителей, поэтому для того, чтобы нормально существовать и удовлетворять все свои потребности: и еду, и пищу, и коллекционирование марок, я начал подрабатывать сеансами. А спустя два года, получив звание гроссмейстера, я был переведен под крыло Спорткомитета, где мне назначили стипендию уже в двести рублей.

Кроме ежемесячных доходов начиная со школьных лет я регулярно получал денежные призы, заработанные на различных турнирах. Но с особым теплом и волнением вспоминаю, конечно, самые первые гонорары: могу, закрыв глаза, легко представить в руках семь потертых десятидолларовых купюр, что получил за победу на чемпионате мира среди юношей, или те двести рублей, выигранные в Чехословакии, на которые я – пятнадцатилетний мальчишка – купил маме сапоги.

Переход в ЦСКА, за который потом играл всю свою спортивную жизнь, оказался верным шагом. Да, я могу и умею менять и привычки, и образ жизни, и даже людей, с которыми оказывается не по пути, но в целом по жизни все-таки консерватор. И, если меня все устраивает в окружающем мире, очень сложно заставить меня отказаться от того, к чему лежит душа. А отказаться от ЦСКА меня начали заставлять практически сразу после поступления в Университет. Спортивное общество «Буревестник» всегда вызывало во мне внутренний протест. Оно казалось мне пустым и бездарным, нахально снимающим сливки с чужих заслуг. Дело в том, что развитием детского спорта «Буревестник» не занимался, но при этом сознательно заставлял переходить под свои флаги студентов, показывающих высокие спортивные результаты. Мне прямо начали говорить о том, что «Буревестник» ждет меня с распростертыми объятиями, а о ЦСКА надо бы забыть. Как забыть о тех, кто научил тебя всему? Как отказаться от команды, за которую играют чемпионы? Как выбросить из своей жизни тренера?

Я пришел в армейский клуб, когда министром обороны еще был маршал Малиновский. Он относился к шахматам с большим почтением. Создание шахматных клубов в Домах офицеров – это полностью его заслуга. В ЦСКА за моей спиной стояла родная, понятная, в конце концов, любимая и очень сильная команда, которую тренировал Фурман. Разве пошел бы он за мной в «Буревестник»? Да и как бы воспринял этот странный переход? Да, можно было бы сослаться на давление. Можно было бы обещать, что отучусь и вернусь. Но разве можно было договориться с самим собой и позволить себе предательство?

Какие только аргументы ни приводил я в бесконечных спорах с «Буревестником» – ничего не помогало. Ответ был один: хочешь учиться в МГУ – переходи к нам. Но я не поддавался на уговоры студенческого клуба и продолжал отказываться. Я понимал желание клуба отобрать сильнейшего шахматиста у главного конкурента. Как здорово, не приложив никаких усилий по выращиванию таланта, практически положить себе в карман добытое им звание чемпиона страны. Но у меня дарить этот шанс сопернику ЦСКА желания не было. Кроме того, начав учиться, я неожиданно обнаружил, что математика перестала меня увлекать. Я понял: чтобы состояться в этой науке, ей надо служить не меньше, чем шахматам. Возможно ли совмещать это служение с постоянными турнирами? Вряд ли. Могу ли я отказаться от турниров? Ни за что! Я решил, что экономика – именно та область знаний, в которой я смогу развиваться, не отказываясь от шахмат. Кроме того, на экономическом факультете училось достаточное количество прославленных спортсменов, и я наивно полагал, что переведусь туда – и «Буре-

вестник» от меня отстанет. Экономисты меня приняли, но мучения продолжились. Преподаватели под нажимом сверху отказывались принимать у меня экзамены досрочно, придирались по мелочам и ни в чем не желали идти навстречу.

Больше других усердствовала педагог по истории КПСС – Осипова, которая отказывалась засчитывать мне материал, уже пройденный и сданный на мехмате. Мне говорили, что она интересовалась причиной моего отсутствия на занятиях, сказали и о том, что ее предупредили: Карпов не ходит, так как предмет сдал в предыдущем семестре досрочно и на отлично. Но педагог – то ли по собственной инициативе, то ли в результате давления сверху – брать это в расчет не пожелала, в красках расписала мое «безобразное» поведение заведующему кафедрой и, полагая, была чрезвычайно довольна, когда, вернувшись с очередного турнира, я обнаружил себя в списке должников. Никакие разговоры о том, что курс я прослушал и сдал, в расчет не принимались. Осипова настаивала на пересдаче, которую не собиралась принимать. А заведующий кафедрой не мог допустить меня к занятиям без отметки в зачетке. Я не знал, как действовать в подобных обстоятельствах, чувствовал себя загнанным в западню. По наитию отправился на кафедру гуманитарных факультетов к своему бывшему преподавателю истории партии профессору Кислякову. Тот, увидев меня, удивился:

– Какими судьбами? Вы же давным-давно сдали предмет.

– Экономический факультет настаивает на пересдаче.

– Неужели? – В глазах профессора заплясали хитрые огоньки. – Настаивает, говорите? Ну, давайте их порадуем. Зачетка с собой?

– Да. – Протягиваю Кислякову зачетку и вижу, как он лихо выводит в нужной графе «перезачтено» и расписывается. Удивляюсь: – Разве так можно?

– Официальному лектору ЦК партии, мой друг, можно практически всё. И если на экономическом факультете все еще будут недовольные, пусть обращаются со своим недовольством лично ко мне.

Профессор оказался прав. После предъявления зачетки с его росчерком оспаривать решение лектора ЦК партии никто не решился. Но я чувствовал, что на этом мои неприятности не закончатся. Ремни затягивались все туже, кольцо сжималось, я понимал: «Буревестник» от меня не отстанет. Куда бежать? Что делать? Как быть?

Сейчас модно рассуждать о том, что Вселенная благоволит тем, кто шлет ей правильные запросы. Видимо, мои призывы к обстоятельствам поменять судьбу высшие силы сочли достаточно красноречивыми и организовали мне чудесную встречу. Я поехал встречать Новый год в Ленинград и в доме у Корчного познакомился с другом его детства, с которым вместе они играли в шахматных чемпионатах, – профессором Лавровым. Слово за слово я поведал ему обо всех своих несчастьях и получил неожиданное предложение:

– Переходите к нам, в ЛГУ. Обещаю, что у нас «Буревестник» вас беспокоить не будет.

– Разве это возможно?

– А почему нет? Невозможно все время жить в негативе и складывать в копилку одни отрицательные эмоции, а все остальное зависит только от нас самих.

– Возьмете меня?

– Завтра же пойду к ректору. Возражать он точно не будет. Особенно если согласитесь, хотя бы иногда, играть за нашу университетскую команду.

– Конечно! О чем речь?!

Так моя дальнейшая судьба определилась в пятиминутном разговоре. Я вернулся в Москву сжигать мосты, прекрасно понимая, что легко задачу решить не смогу. Но шахматисту всегда интересны сложные комбинации и поиск выгодной позиции. Сложно сказать, что занимает сильнее: проведение атаки или ее подготовка. В данном случае я понимал, что атаковать декана факультета Сладкова – занятие бесполезное. Он не отпустил бы меня никогда и ни за что. Я терпеливо дождался его ухода в отпуск и обратился к заместителю, который

ничего о притязаниях «Буревестника» не знал. Пришлось рассказать о том, что переход в ЛГУ – вынужденная необходимость воссоединения с тренером, и очень быстро замдекана, повздыхав над моей отличной зачеткой, подписал согласие на перевод.

Лавров со своей стороны договорился, что свою визу на решении поставит и министр просвещения. Сейчас, полагаю, кажется невероятным, чтобы министр тратил время на подпись подобных резолюций. Надеюсь, сейчас студенты переходят из одного учебного заведения в другое, не дожидаясь разрешения министерств. Я же, получив вожденную бумагу, не медля отправился в Ленинград и очень быстро получил приказ о своем зачислении в ЛГУ. Когда декан экономического факультета обнаружил мое бегство, разразился сумасшедший скандал, но изменить московские чиновники ничего не смогли. Могу смело утверждать, что первооткрывателем способа сбежать от проблем в Ленинград был именно я, а не герой комедии Рязанова¹.

Я отношусь к тем, наверное, редким людям, которым сложно определить, какой город (Москва или Питер) им нравится больше. Я никогда сознательно не думал о переезде в Ленинград, он был гораздо дальше от Тулы, где меня всегда ждала семья. Я оказался там вынужденно, но никогда не считал проведенные там годы ссылкой. Никогда не пойму тех, кто равнодушен к городу, которому нет подобных на всем земном шаре. Его небо не мрачно, не свинцово и не тяжело. Да, оно плачет бо2льшую часть дней в году, но слезы эти ниспадают царственными каплями на такое скопление великолепия, что ты перестаешь замечать дискомфорт погоды. Москва хороша по-другому. Пусть нет в ней такого количества дворцов на квадратный километр, как в ее северном соседе, но мощи, простора и величия ей тоже не занимать. А тишина московских переулков? А уют бульваров? А купеческое зазнайство Замоскворечья? Разве можно сравнивать Летний сад с Коломенским, Ораниенбаум с Кусково, а монументальность Исаакия и Казанского с царственной неприступностью белокаменных храмов Соборной площади? Жизнь сделала меня москвичом. Конечно, если бы я не хотел им стать, я бы не уехал из Ленинграда. Но этот город мне по-прежнему близок, и я всегда помню о том, что его объятия в свое время стали спасительными.

Довольно быстро после переезда выяснилось, что отступать «Буревестник» все же не намерен. Как только в семидесятом году я получил титул гроссмейстера, заведующему кафедрой спорта экономического факультета ЛГУ поступило официальное требование воздействовать на меня и перевести в студенческое общество из армейского. Он вызвал меня и признался:

– Я получил указание из Москвы: вам следует перейти в «Буревестник».

– С ума сойти! Я из-за этих указаний специально из Москвы сбежал.

– Что я могу поделать? Мне самому достаточно того, что вы играете за сборную команду университета. Но не исполнить приказ начальства я не имею права.

Пришлось мне снова обратиться к Лаврову, который при мне набрал заведующего кафедрой спорта и, задав тому несколько вполне обычных текущих вопросов, неожиданно поинтересовался:

– А вам нравится ваша работа?

– Конечно, Сергей Борисович. Почему вы спрашиваете?

– А разве в Москву переехать не хотите?

– В Москву? – Человек на другом конце провода совершенно растерялся. – Зачем мне в Москву? Я же коренной ленинградец.

– А мне кажется, вы в Москву собрались.

– Вовсе нет. Откуда такая информация?

– Ну как же. Вам мнение московских начальников важнее мнения ректора и секретаря парторганизации ЛГУ.

¹ Речь идет о фильме Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!», снятом в 1975 г.

– Сергей Борисович, – наконец человек понял, откуда дует ветер, – вы о Карпове говорите?

– Да. Именно так. И ректор, и я считаем, что он может состоять в любом спортивном обществе. Нас должна интересовать только его успеваемость.

На этом разговоре преследования со стороны «Буревестника» закончились, но окончательную точку в разразившейся по моей вине буре поставил министр спорта Павлов. Он принял решение, что в случае завоевания студентами высоких наград и титулов очки будут в равных долях присуждаться и студенческому обществу, и тому клубу, за который выступает чемпион. Очень мудрый, миротворческий шаг, который помог в будущем избежать конфликтных ситуаций многим хорошим спортсменам, получающим высшее образование.

Самое интересное, что, поступая в университет, я еще не мог однозначно сказать, что моя будущая карьера станет именно шахматной. Только погрузившись в научные дебри мехмата, я понял, что необходимо сделать выбор, и отдал предпочтение игре, к которой лежала душа. Шахматы стали не просто неотъемлемой частью жизни – они полностью ее заполнили, сделав вкусной, интересной, насыщенной, яркой. А все дальнейшее было предопределено этим выбором: серьезные турниры, великие соперники, матчи, захватывающие не только участников, но и весь мир. А еще работа, борьба, упорство, поиски тактики, стратегии и себя самого, и, как следствие, результат – награды, титулы и судьба, которую никто за меня не выбирал.

Глава 2

Такие разные сражения

Сплетение и взаимное обогащение двух противоборствующих созидательных идей и является дорогой к шахматному совершенству.

(Анатолий Карпов)

Выхожу на мировую арену

Турниры, турниры, турниры, бессчетное количество путей, дорог, встреч, сеансов – казалось бы, все они должны были превратиться в памяти в тугую запутанный клубок, но нет: стоит лишь потянуть за ниточку, и оказывается, что все в этом клубке сплетено по порядку и по ранжиру, словно каждый новый турнир, каждая новая встреча с соперником, или с товарищем по команде, или с любым другим человеком, причастным к моим жизненным обстоятельствам, служила маленькой, иногда невидимой и неосязаемой ступенькой для моего движения вверх.

В шестьдесят седьмом году меня отправили в голландский Гронинген на чемпионат Европы среди юношей. Сейчас невозможно даже представить, чтобы Федерация могла отпустить несовершеннолетнего спортсмена на турнир в другую страну без сопровождения. Да что говорить о другой стране, если даже на мероприятия внутри одного города школьников обязаны доставлять тренеры или учителя. А тогда меня одного – шестнадцатилетнего – с легкой душой собирались посадить в поезд, мало беспокоясь о том, что в одном только Берлине мне предстояло четыре раза пересечь границу в течение полутора часов, а на первой голландской остановке еще и пересестись на другой поезд, чтобы добраться до места назначения. Надо признать, что мое владение английским было тогда близко к абсолютному нулю, несмотря на то что с момента нашего переезда в Тулу – в шестьдесят пятом – он уже был в моей школьной программе. Но во-первых, частые пропуски, конечно, не способствуют изучению языка, а во-вторых, тульская учительница была настолько строгой и требовательной, что охоту и способности к своему предмету у меня отбила сразу, но, к счастью, не навсегда. Таким образом, задача добраться до Гронингена без чьей-либо помощи казалась мне не просто сложной, а невыполнимой. За помощью обратились и в наше посольство в Гааге, и непосредственно к организаторам турнира. Мне предложили два совершенно разных варианта. Дипломаты велели ехать до Хукванхолланда, обещали там встретить, привезти в посольство, обогреть, накормить и в целости и сохранности сопроводить до поезда на Гронинген. А организаторы уверяли, что мне надо выйти из московского поезда на пограничной станции Амерсфорт, где меня будет ждать человек, который поможет там же пересестись на нужное направление, а потом свяжется с Гронингеном и скажет, в какое время меня встречать уже на месте. Чье предложение принять, как правильно поступить, на кого положиться? Мысль о том, что я могу оказаться в полном одиночестве в чужой стране без знания языка, не то чтобы пугала очень сильно, но волнение доставляла. А окончательное решение спокойно оставили мне на откуп: тебе ехать – ты и думай.

В этих тягостных раздумьях по дороге в отдел выездов за документами я зашел в Федерацию на Гоголевский бульвар и нос к носу столкнулся со Спасским, с которым к тому моменту уже был лично знаком (он читал для юношеской сборной лекции, и я, признаюсь, болел за него в их матче с Петросяном в шестьдесят шестом году).

– Борис Васильич! Борис Васильич! – Думаю, не только он, но и я сам не ожидал от себя подобной беспардонности. Но я так сильно нуждался в совете, что природная скромность уступила место решимости. Спасский остановился и посмотрел на меня в недоумении, он явно не ожидал такого обращения от едва знакомого юнца. Я сбавил обороты и как можно вежливее произнес:

– Борис Васильич, разрешите спросить.

– Ну пожалуйста. – Он улыбнулся, заметив, что невиданное нахальство сменилось искренним смущением.

Торопясь и, возможно, сбиваясь, рассказываю ситуацию и тут же получаю твердое напутствие:

– Толя, всегда полагайтесь на обещания организаторов, а не на посольство.

Сколько же мысленных благодарностей я произнес в адрес Спасского, когда впоследствии позвонил уже из Гронингена в посольство с докладом о своем благополучном прибытии и понял, что они и думать забыли о том, что какой-то малолетний Толя Карпов отправился в одиночное безнадзорное плавание по Голландии и что они обещали это плавание всячески контролировать. Но это случилось чуть позже, а тогда, сердечно поблагодарив Спасского, я помчался в отдел выездов к Екатерине Яковлевне Стригановой – совершенно чудесной, душевной, прекрасной женщине, курировавшей шахматы около тридцати лет и не допустившей за время своей работы ни единого промаха. Со всеми была она добра и предупредительна, а подведомственных шахматистов опекала в буквальном смысле как родная мать. Кровной же матерью приходилась она прославленному в те годы динамовскому хоккеисту Александру Стриганову.

Прибегаю в отдел выездов и делюсь с Екатериной Яковлевной своими волнениями:

– Конечно, меня обещают встретить, но что, если забудут или я как-то потеряюсь, не разберусь, что тогда делать? Я же ни слова по-английски.

– Не волнуйся, Толя! – Сам мелодичный голос Стригановой уже звучал успокаивающе. – Сейчас что-нибудь придумаем. – И с непоколебимой верой в силу слова и во все человечество она пишет мне на английском записку с просьбой к читающему сие послание оказать помощь советскому шахматисту, который едет на чемпионат Европы в Гронинген.

Сажусь в поезд с выданными чеками Внешпосылторга, которые, как меня уверяли, легко поменять в любом отделении любого банка, и с лелеющей сердце бумажкой от Стригановой. Оказываюсь в одном купе с афроамериканкой из Гвианы – студенткой Института дружбы народов, которая сразу же пытается наладить общение по-английски. Жестами объясняю бесполезность ее усилий и протягиваю записку. Она читает и заливисто хохочет, обнажая свои белоснежные зубы, счастливыми обладателями которых бывают только люди с темным цветом кожи. Я не понимаю, чем вызван этот приступ смеха, но она уже спрашивает по-русски:

– А как же ты объяснишь, какая именно помощь тебе нужна, а главное, как поймешь, что тебе ответят?

Эйфория от обретения записки тут же померкла. Весь путь до Амерсфорта провел я в беспокойстве: встретят – не встретят, приедут – не приедут. Решил, что, если встреча не состоится, подойду к кассе и, показав записку, буду тыкать в слово «Гронинген». Дай бог поймут, что мне нужно, и продадут билет. Ну а гульдены перед этим обрету в обмен на полученные чеки. На мое счастье, я еще не знаю, что эти «замечательные» чеки согласятся обменять только в одном отделении государственного банка Гронингена, которое мы с организаторами обнаружим далеко не в первый день моего пребывания на чемпионате.

В Амерсфорте в страшном волнении спускаюсь на перрон и останавливаюсь у вагона. Перрон пустеет, и в конце концов на нем остаются только два человека: растерянный худенький юный советский шахматист и высокий статный голландец с шахматной доской под мышкой и белым королевским пуделем на поводке. Меня встречал организатор международных шахматных турниров – известный во всем мире мистер Витхуиз. Не меньше его самого был известен и встретивший меня с ним за компанию пудель по кличке Фиде ². Меня снабдили билетом и инструкциями, и до Гронингена я добрался без приключений.

Небольшие приключения, однако, ждали меня и на обратном пути. Возвращался я уже в ранге чемпиона Европы в компании польского шахматиста Ежи Леви, который владел английским чуть-чуть лучше меня. А пересадок уже требовалось сделать не одну, а две. И на первую пересадку в городе Цволле было у нас всего четыре минуты. Выскочив на перрон, впрыгнули в первый попавшийся состав из нескольких стоящих на путях. Двери тут же захлопнулись и поезд тронулся. К счастью, с составом мы не ошиблись, благополучно добрались до Амер-

² ФИДЕ – Federation Internationale des Echecs – Международная шахматная федерация (фр.).

сдорфа и пересели на конечный поезд. Чем ближе польская граница, тем заметнее нервничает Леви; интересуюсь:

– Что с тобой, Ежи?

– У меня полный чемодан подарков. – Кивает на один из своих чемоданов. – Найдут – отберут.

– Хочешь, скажу, что это мой?

– А ты можешь?

– А почему нет? Еду транзитом, ничего не вывожу, ничего не ввожу.

– Слушай, ты так меня выручишь. Я что-то не рассчитал. Набрал своим подарков, а только потом вспомнил о «доброте» наших таможенников.

– Ежи, всё в порядке, не переживай. Тем более у меня совсем немного вещей.

– А ты какие подарки купил? – живо интересуется Леви.

– Если честно, то никаких, – спокойно отвечаю, не чувствуя ни малейшего смущения.

Помню, что из самой своей первой заграничной поездки в Чехословакию привез маме красивый шерстяной свитер, потом, наверное, привозил какие-то мелочи, но цели привезти подарки у меня никогда не было. Всегда было жаль тратить время на походы по магазинам, на тяжкие раздумья, что именно купить и как не промахнуться с размером. Я всегда с удовольствием возвращался и возвращаюсь из поездок с деньгами и прошу близких самим приобрести подарки по своему вкусу.

Ну а чемпионат шестьдесят седьмого года запомнился мне не только дорогой, которая заставила меня поверить в то, что теперь я смогу самостоятельно добраться куда угодно и не только полученным званием чемпиона Европы, но и первой знаковой встречей с профессором математики университета в Маастрихте, пятым чемпионом мира по шахматам, президентом Международной федерации – Махгилисом (Максом) Эйве. В Гронинген он приехал в качестве почетного гостя на открытие турнира и по существующим правилам должен был сделать ход за доской любого выбранного участника. Было вполне логично, что для своего хода Эйве выберет партию самого многообещающего в то время голландского шахматиста Яна Тиммана, который впоследствии, до начала девяностых годов, оставался в тройке лучших шахматистов мира, но совершенно неожиданно президент Федерации оказался возле моей партии со швейцарским шахматистом Штауфенбергом. Почему он выбрал меня, было ли это пустой случайностью или целенаправленным политическим решением (дипломатические отношения с Голландией в те годы были достаточно крепкими), я так никогда и не узнал. Но тем не менее могу утверждать, что Макс в буквальном смысле приложил руку к моему будущему званию чемпиона Европы и наша с ним первая встреча действительно оказалась знаковой. А встреч этих впоследствии было великое множество: обычных житейских, проходных, на турнирах или деловых, в спорах и обсуждениях, или дружеских, в неторопливых беседах за вкусным обедом. Среди обедов случались и званые. А самым примечательным из них стало празднование нашего совместного с Эйве столетия в музее Ван Гога в Амстердаме: Макс исполнял семьдесят пять, а мне двадцать пять. Событию предшествовал грандиозный юбилейный турнир, посвященный голландскому шахматисту, а моя победа в нем стала символичной: общее столетие оказалось оправданным. Победителю турнира вручили специально учрежденный почетный приз – сертификат о том, что в мире существует выведенный селекционерами сорт хризантем, который с этого момента будет называться хризантемой Карпова. Но цветком на бумаге дело, конечно, не ограничилось. По праву лидирующие на мировом рынке по производству цветов голландцы подарили мне такое количество живых цветов, что я, тогда не знающий о пагубном влиянии этого прекрасного аромата на человека, провел с ними в номере всего одну ночь и заработал себе сильнейшую аллергию на следующие четверть века жизни.

Но все эти события были впереди, а в конце шестидесятых, точнее двадцать восьмого августа шестьдесят девятого года, произошло другое знаковое событие, ставшее очень важной

ступенькой на моем пути. Я выиграл чемпионат мира среди юношей в Стокгольме, и не просто выиграл, а выиграл с большим отрывом за два тура до окончания турнира. Надо сказать, что добился я не только личного успеха, но и подарил стране звание, которое до этого времени она долгое время не имела. Были великие гроссмейстеры, чемпионы Европы и мира, прославленные мастера, но звание чемпиона мира среди юношей в Советском Союзе до меня удалось выиграть только Спасскому в пятьдесят пятом году. Символично, что сам юношеский мировой чемпионат начали проводить в год моего рождения, а первым чемпионом был югослав Борислав Йвков.

Я же получил этот титул на удивление легко, словно было у меня не одно, а несколько дыханий, и помню, что, уже зная о своей победе и титуле чемпиона, совершенно неожиданно сыграл вничью с кубинским шахматистом Диасом, значительно уступавшим мне в умениях. Эйфория от осознания собственного успеха была так велика, что острота мысли и серьезный настрой немного померкли. Впрочем, общей картины это никак не испортило.

А вот испортить мой успех, вернее, помешать тому, чтобы он случился, отчаянно пытался сын прославленного математика Демидовича – автора одного из лучших в истории учебников по математическому анализу. Учился этот странный человек в аспирантуре мехмата МГУ и занимал пост секретаря комсомольской организации факультета. Я шел к нему, не ожидая ни малейшего подвоха. Все, что мне нужно было, – росчерк пера на характеристике, которую уже подписали и председатель профсоюза, и декан факультета. Нахожу его в университете, представляюсь, знакомимся. Тут же спрашивает довольно сухо и резко:

– Какие у вас ко мне вопросы?

– Мне надо подписать характеристику.

– Почему я должен что-то подписывать?

– По положению, – спокойно отвечаю. – Вы подписываете характеристики студентам факультета, выезжающим за границу.

Смотрит на меня исподлобья и интересуется, ухмыляясь:

– И куда же вы едете?

– В Швецию.

Глаза у него округляются, и с нескрываемым раздражением в голосе он уточняет:

– А почему в Швецию?

– Там будет чемпионат мира по шахматам, в котором я принимаю участие.

Его лицо искажает гримаса, и следующий вопрос он буквально выплевывает мне в лицо:

– Студент первого курса едет в Швецию?

– Я еду на чемпионат мира. Был бы он в Болгарии – поехал бы в Болгарию, был бы в Америке – в Америку, но он в Швеции. – Развожу руками, пытаюсь разрядить обстановку. Мол, просто занимаюсь своим делом, какие могут быть претензии. Но претензии, как оказалось, у него были, но не ко мне, а к своей собственной судьбе, которая в тот момент предстала перед ним в неприглядном виде. И, очевидно, разозлившись на несправедливость жизни и поддавшись разыгравшейся зависти, он объявил:

– Как странно – студент-первокурсник разъезжает по Швециям, а я – комсорг мехмата, аспирант МГУ – еще нигде не был. Не подпишу я вам ничего.

– Как не подпишете?

– Так. Не подпишу, и никуда не поедете! – торжественно заключил он и удалился, оставив меня буквально в оцепенении. Не то чтобы я испугался, что сорвется поездка, но я совершенно оторопел от неслыханного жлобства, которое мог себе позволить человек из интеллигентной семьи, носящий фамилию, которой должен был бы гордиться, а получалось так, что он, не стеснясь, позорил ее.

Ситуация моя тогда разрешилась благополучно. Вышестоящим инстанциям оказалось не важно мнение начальника, плавающего на мелководье. Но сколько же таких омерзительных

типов водилось тогда в крупных и значимых прудах. В Москве и Ленинграде в то время при райкомах на комиссиях по выезду существовали специальные группы старых большевиков, которые могли пригласить на беседу любого выезжающего и с легкой душой завернуть ему характеристику. Не раз и не два эти товарищи не выпускали на важнейшие международные конференции крупных ученых и директоров завода из-за того, что те не могли ответить на вопросы, на которые не ответил бы ни один нормальный человек.

Знаковая история подобного характера произошла в семьдесят шестом году с Борисом Васильевичем Спасским, который в то время уже никому не нуждался в представлении. Он, носивший звание трехкратного чемпиона мира, представить себе не мог, что перед очередным турниром его пригласят на такую комиссию. Не знаю, было ли это чьим-то указанием или добросовестные большевики решили потрепать ему – человеку абсолютно аполитичному – нервы по собственной инициативе, но диалог в райкоме у него вышел следующий:

– Расскажите нам, пожалуйста, о ситуации в Лаосе, – медленно тянет председатель и пытливо шурится, скрестив руки на груди.

– В Лаосе? – переспрашивает Спасский. Он, конечно, знает, где находится Лаос, но о том, что там сейчас какая-то особая ситуация, не имеет ни малейшего представления.

– Да-да, в Лаосе, – подтверждает старичок с облезлой бородашкой и нетерпеливо постукивает карандашом по красному сукну президиума.

– А почему я должен что-то знать о Лаосе? Я еду в совершенно другую страну.

– Каждый советский человек обязан знать о том, что сегодня происходит в Лаосе, – напыщенно брызжет слюной председатель. Он краснеет, пыжится и шурится еще больше, язвительно спрашивая: – Может быть, вы даже не в курсе, кто в СССР Председатель Совета Министров?

Надо отметить, что председателем был тогда Алексей Николаевич Косыгин и не знать этого Спасский, конечно, не мог. Взыграла в нем гордость, или обида, или желание позлить неприятных людишек, но ответил он, явно не подумав о последствиях:

– У меня не было необходимости с ним встречаться. Имею полное право не знать.

Конечно, после такого выпада ему не могли не завернуть характеристику, но в поездку все же выпустили, как и меня в Швецию в шестьдесят девятом году. Не выпустили бы – потеряли бы звание чемпиона мира среди юношей.

Возвращался я с чемпионата окрыленный, полный радужных планов и уверенный в том, что успех откроет мне двери к любым турнирам, расширит горизонты, подарит новые возможности, которые просто обязаны были посыпаться со всех сторон. Однако мой старший, более опытный товарищ и к тому времени тренер Семен Абрамович Фурман, наблюдая мое бескрайнее счастье, разливающееся по купе поезда, в котором мы возвращались из Стокгольма, не мог не спустить меня с небес на Землю.

– Представляешь, как поздравления польются рекой? – добродушно поинтересовался он.

– Но ведь польются же.

– Конечно, Толя! Тебя буду чествовать, хвалить, благодарить, желать дальнейших успехов и крепко жать руку, но серьезных турниров сразу никто тебе не предложит.

– Почему?

– Потому что турниры заранее расписаны почти на год вперед. Ты хочешь влезть перед претендентами и чемпионами СССР, но так не получится.

– А что же мне делать?

– Просить реальные вещи. В июле следующего года в Амстердаме стартует турнир с гроссмейстерской нормой. Просись туда, напирай на то, что можешь выполнить норму гроссмейстера. Я не уверен, что ты ее выполнишь сейчас наскоком, без подготовки. А так у нас будет время позаниматься, подготовиться. Тебе надо собраться, а не скакать стрекозой чемпионства с турнира на турнир.

Я немного приуныл, но не мог не признать правоты тренера. Звание гроссмейстера в Советском Союзе да и во всем мире было исключительно престижным. Оно давало настоящую путевку в жизнь. Если мастера спорта международного класса могли рассчитывать только на международные турниры внутри страны, то гроссмейстеры выезжали за границу. Титул этот был очень желанным, и получить его раньше было отнюдь нелегко. Ситуация с весомостью этого звания изменилась стараниями Макса Эйве. Конечно, все, что он делал в шахматах, исключительно из лучших побуждений. И был необыкновенно уважаем на своем посту президента ФИДЕ, однако некоторые его реформы возымели не самые лучшие последствия. Так, желая развить популярность шахмат во всем мире и увеличить количество стран – членов Международной федерации, – Эйве объявил о том, что каждая страна обязательно должна иметь своего гроссмейстера. До этого времени ФИДЕ насчитывала семьдесят девять стран. В основном гроссмейстерами были европейцы, американцы и только один филиппинец. В Австралии, Индии и Китае гроссмейстеры появились гораздо позже. Хотя, конечно, следует помнить о том, что первым азиатским гроссмейстером стал Александр Зайцев из Владивостока. Сегодня ФИДЕ насчитывает сто восемьдесят одну страну, и меня на самом деле очень сильно удивляет, как Эйве, будучи сильным ученым-математиком, не мог не предвидеть, каким образом повлияет на Федерацию беспорядочное увеличение числа ее членов. Следовало бы в этом случае для принятия особо важных решений организовать внутри Федерации комитет, подобный Совету Безопасности ООН. Но ничего подобного не случилось. Важные вопросы выносятся на всеобщее голосование, и каждая страна – член Федерации имеет один голос, независимо от своего веса в шахматном мире.

Кроме этого Эйве внес еще одно очень важное изменение. Объявив о том, что каждой стране необходимо получить своего гроссмейстера, он не пошел путем подъема уровня шахмат в странах, гроссмейстеров не имеющих, а снизил норму, которую нужно было выполнить, чтобы это звание получить.

Гроссмейстер из Каракаса

Я смело могу называть себя последним гроссмейстером «старого созыва». Я выполнил норму и получил титул в июне семидесятого на турнире в Венесуэле, а уже с первого июля стараниями президента ФИДЕ норму снизили на полтора очка в аналогичном по составу турнире. И если до этого времени в мире были как гроссмейстеры экстра-класса, так и гроссмейстеры немного слабее, то после реформы Эйве слабые гроссмейстеры буквально расплодились по всему миру. Слабые приносили на своих плечах еще более слабых, ведь для того, чтобы выполнить норму, необходимо было набрать в международных турнирах 55 % очков в партиях с гроссмейстерами, 75 % – с международными мастерами и 85 % – с теми игроками, кто ниже по званию. А ведь обыграть слабого соперника, согласитесь, не так уж и сложно. Турниры перестали быть столь же яркими и захватывающими, как раньше, когда для того, чтобы выполнить свою норму, надо было обыграть шестерых претендентов и многократных чемпионов страны. И если мое удостоверение гроссмейстера имеет сорок шестой номер во всем СССР с момента учреждения этого звания в тридцать шестом году, а играющих гроссмейстеров к тому моменту осталось двадцать пять – тридцать, то сейчас в одной только России больше ста шахматистов с этим титулом. Упомяну, что первым советским гроссмейстером стал Григорий Левенфиш, а не Михаил Ботвинник, как многие ошибочно полагают. Сейчас я, с одной стороны, очень горжусь тем, что, например, челябинская шахматная школа растет и развивается, что из ее стен продолжают выходить все новые и новые гроссмейстеры, но с другой стороны, не могу не грустить от того, что ценность этого звания существенно померкла.

Но в шестьдесят девятом грядущие реформы Эйве только начинали витать в воздухе, и получить титул гроссмейстера для шахматиста было не менее, а даже более важно, чем стать чемпионом мира среди юношей. Я воспользовался советом Фурмана и высказал свои пожелания о поездке в Амстердам в комитете, и мою фамилию даже записали на какой-то листок. Но Голландия оказалась желанной страной для многих и многих титулованных шахматистов, и листок этот по мановению чьей-то более весомой руки затерялся. Сейчас я уверен в том, что обстоятельства сложились именно так, а не иначе, по какому-то заранее выстроенному свыше плану. Столько препон, столько преград возникало на моем пути к следующему важному турниру семидесятого года в Каракасе, и все они чудесным образом разрешались в самый последний момент, что невозможно не поверить в некую предрасположенность и определенность человеческих судеб. Но обо всем по порядку.

В шестьдесят девятом году во главе Венесуэлы встал первый демократический президент Рафаэль Кальдера, до которого страной управляли исключительно военные диктаторы. Кальдера приехал в СССР с официальным визитом, во время которого были подписаны договоры о двустороннем сотрудничестве. Как правило, наладить отношения между странами легче всего и быстрее в областях культуры и спорта. Что касается непосредственно шахмат, то этот вид спорта был в Венесуэле запрещен. Не обладая дюжими интеллектуальными способностями, военные диктаторы причислили шахматы к азартным играм. Не разрешалось проводить турниры, играть же внутри семьи или в дружеской компании не возбранялось, однако внутри страны шахматы не производились и не продавались. Их можно было привезти из-за границы в подарок или для личного пользования, но пошлина на ввоз фигурок была достаточно высока и рассчитывалась не по комплектам, а по весу. Кальдера, став президентом, эти указы отменил и вернул шахматам их обычное положение без каких-либо запретов. Не думаю, что сам он был игроком, однако к шахматам относился с большим уважением. Поэтому, когда кто-то в его ближайшем окружении предложил провести в Каракасе международный шахматный турнир на кубок президента для поднятия престижа Венесуэлы на мировой арене, Кальдера эту идею с восторгом поддержал.

Шахматы тогда были на исключительном подъеме во всем мире. Огромное количество сильнейших шахматистов было в европейских странах. В Соединенных Штатах семимильными шагами двигался к лидерству Бобби Фишер. В Советском Союзе собрался целый анклав претендентов на мировую корону. Конечно, серьезный мировой турнир был невозможен без участия советских шахматистов, и в Министерство спорта СССР направили телеграмму из Каракаса с просьбой прислать на турнир достойных участников. Я уже говорил о том, что планы в шахматах если и не писались пятилетками, то на год вперед утверждались обязательно примерно в ноябре года предыдущего. Приглашение же на июньский турнир в Каракасе прилетело к чиновникам примерно в марте, и они, недолго думая, даже не стали рассматривать это предложение, сухо ответив, что свободных шахматистов нет, планы перестроить нельзя, извините и до свидания.

На этом мое участие в турнире могло бы закончиться не начавшись. Однако президент страны не был бы президентом, если бы не умел проявлять настойчивость в важных для себя вещах. Пересилив гордость и наверняка возникшее раздражение от неуважительного ответа из нашего министерства, он позвонил лично Андрею Андреевичу Громыко, который был в то время министром иностранных дел, и напомнил о подписанных соглашениях. Громыко тут же связался с министром спорта Павловым, который отдал распоряжение недобросовестным подчиненным думать головой и не портить едва зародившиеся дипломатические отношения.

Итак, турнир включили в план, но отправлять меня туда не собирались. Ведь теперь сильные мира сего дали ясное указание отправить в Венесуэлу сильнейших. Но указания указаниями, а уговорить Спасского и Петросяна отправиться в Каракас никому не удалось. И стращали, и просили, и сулили, но темная страна, в которой никто из шахматистов до этого никогда не был, пугала намного больше возможных санкций или дивидендов. Претенденты отказались, а следующими в списке сильнейших стояли уже Штейн и я. Не знаю, почему меня не настоятельно призывали, заставившие более старших и опытных товарищей отказаться от турнира. Возможно, именно возраст заставлял думать о том, что море по колено, а Каракас ничем не страшнее, например, Гронингена. А возможно, интуиция подсказывала мне, что для обретения шанса надо соглашаться на всё, ведь просто так шансов судьба не посылает.

Так или иначе я согласился на поездку в Каракас и с этим решением уехал на чемпионат России в Куйбышев – нынешнюю Самару. Помню, что в те времена город производил впечатление абсолютно голодного, буквально богом забытого места. В нем было значительное количество градообразующих секретных предприятий авиационной и электронной промышленности, внутри которых находились продуктовые распределители. Полки же обычных магазинов оставались пустыми. Рыбные прилавки были под завязку забиты нататением – рыбой, богатой фосфором и довольно приличной на вкус, но когда этот вкус приходится повторять каждый день, то довольно быстро начинаешь испытывать отвращение. Мяса же не было совсем, даже в ресторане лучшей гостиницы города – «Интурист», где мы с Фурманом остановились, в борще вместо говядины плавало сало. Как же были мы благодарны Кальдере, организовавшему турнир, когда из Ленинграда в Куйбышев был направлен специальный человек, чтобы я срочно заполнил анкету и подписал какие-то выездные документы. Ведь кроме документов привез нам Александр Григорьевич Бах – ныне известный международный арбитр – куриный бульон, заботливо сваренный женой Семена Абрамовича. Возможно, именно благодаря силам, попавшим этим бульоном, я выиграл чемпионат и отправился в Москву получать документы, чтобы улететь в Каракас.

Встречаемся со Штейном в гостинице «Армения», где для нас забронирован номер, и идем в отдел выездов к Стригановой. Екатерина Алексеевна протягивает Штейну билеты и паспорт:

– Леня, все хорошо. Летишь в Париж, ставишь визу в посольстве Венесуэлы, затем в Амстердам (тогда не было прямых рейсов из Парижа в Каракас), а оттуда уже прямым до Каракаса.

– А я, Екатерина Алексеевна? – решаюсь подать голос.

– А с тобой, Толя, большой вопрос. – Она разводит руками. – Тебе, скорее всего, придется остаться.

Недоумеваю – почему.

– Ленинградский обком не выпускает твои документы. У меня все готово: анкеты, паспорта. Но без решения обкома все это не имеет значения. Небольшой шанс есть, но особо не надейся. Идите пока и подождите в гостинице.

Потом мне стало известно, что шансом этим и стала сама Екатерина Алексеевна. Зная историю о том, кто и как повлиял на включение в советский план венесуэльского турнира, она, никого не спросив, отправила в Каракас телеграмму о том, что прилететь к ним сможет только Штейн. Опять же, ничто не мешало противоположной стране заполучить отличного гроссмейстера, мастера высочайшего класса и на этом успокоиться, но Кальдера, которому пообещали двоих шахматистов из Союза, решил не отступать. Тем более что мое участие с точки зрения интереса прессы могло быть турниру не менее, а возможно, и более полезным, чем участие Штейна. К новым молодым лицам, тем более завоевавшим статус чемпиона в юношеских соревнованиях, интерес подогревается в любом виде спорта, и шахматы не исключение.

На этот раз Кальдера позвонил напрямую Косыгину и, не стесняясь в выражениях, высказал Председателю Совета Министров все, что он думает о желании Советского Союза поддерживать с его страной тесные дружеские связи:

– По-вашему, срыв международного турнира может как-то укрепить отношения между Венесуэлой и СССР?

Косыгин, конечно, ни о каком турнире и слухом не слыхивал, не по его рангу такие события, но президент Венесуэлы – президент Венесуэлы и удовлетворить его претензии необходимо.

– Не горячитесь, Рафаэль, объясните спокойно.

Поняв, что никакого специального намерения испортить отношения с Каракасом ни у кого, конечно, не было, и успокоившись, Кальдера посвящает Косыгина в создавшуюся ситуацию и просит помочь. Косыгин набирает Павлова и с ходу интересуется у министра спорта, почему наши не летят в Венесуэлу. Могу представить, что недоумение Павлова в этот момент было ничуть не меньше, чем удивление самого Косыгина во время разговора с Кальдеро. Министерству спорта подведомственно такое количество мероприятий, турниров, чемпионатов, сменяющих друг друга и происходящих одновременно в разных городах и странах, что понять сразу, о чем идет речь и что от тебя хотят, просто нереально.

– О чем вы, Алексей Николаевич?! Какой турнир? Почему не летят? – Наверняка в этот момент Павлов испытывал не самые приятные чувства.

– Президент Венесуэлы жалуется, что Штейна отпустили, а Карпова нет.

Павлов обещает разобраться в ситуации и доложить через несколько минут; после общения с отделом выездов объясняет Косыгину:

– Характеристику Карпова не выпускает Ленинградский обком.

– А остальные документы готовы?

– Готовы, Алексей Николаевич.

– Тогда пусть едет этот ваш Карпов, раз его так хочет видеть Кальдера.

– А как же обком? – Павлов до конца не верит в то, что неповоротливую систему можно обойти.

– Я за него, – слышно, что на другом конце трубки Косыгин усмехается.

И за пятнадцать минут до конца рабочего дня Стриганова получает указание меня выпустить. Бежим со Штейном в консульский отдел МИД, получаем мой паспорт у дежурного и на следующее утро улетаем в Париж в полной уверенности, что на этом все наши злоключения закончились. Наивные. Узнать в Париже нужный адрес двум не говорящим по-французски людям оказалось невероятно сложно. Прилетев в столицу Франции примерно в одиннадцать утра, мы, как только вышли из зоны паспортного контроля, обратились в представительство «Аэрофлота», где крайне нелюбезная мадам объявила о том, что времени звонить по справочным у нее нет, и, небрежно указав на телефон-автомат, отмахнулась от нас, как от назойливых мух.

Как же, наверное, тяжело понять наши проблемы молодому поколению, для которого выяснить любую необходимую информацию – дело одной минуты. Бери в помощники «Сири» или «Алису» и ни о чем не волнуйся. Тебе все найдут, объяснят, расскажут. А тогда невозможно было просто загуглить. Никакого интернета, а вместо мобильных стационарный таксофон, который глотал монеты каждые пятнадцать секунд. С огромным трудом Штейн дозволился до справочной и каким-то чудом вытащил из своего владения испанским языком французские слова «адрес», «посольство» и «Венесуэла». Однако задать вопрос оказалось не самой сложной задачей. Намного сложнее было понять и записать ответ. И вот Леонид Захарович звонит снова и снова, опять и опять слышит неудобоваримое сочетание слогов и тут же за ним разрывающие трубку отрывистые гудки. Дозвонившись в очередной раз, он хватается за охапку метеру из «Аэрофлота» и тащит ее к телефону, умоляя записать адрес.

Получив вожеленную бумажку, хватаем такси и просим водителя ехать как можно быстрее. Мы не боимся опоздать на рейс в Амстердам. Он во второй половине дня, и времени еще предостаточно. Но дело происходит в пятницу, а по пятницам все посольства и консульства работают до обеда. Приехав по адресу, выбегаем из такси, просим водителя подождать. Кому бы в современном мире пришло в голову оставить все вещи незнакомому таксисту и удалиться минут на тридцать-сорок решать свои проблемы. А тогда и мысли не возникало, что что-то может случиться: уедет, обманет, украдет.

Посольство Венесуэлы располагается на одиннадцатом этаже большого шестнадцатизэтажного здания. Поднимаемся на лифте и оказываемся посреди четырех темных коридоров, не зная куда бежать и что делать. Нам навстречу по одному из коридоров идет человек, Штейн бросается к нему и спрашивает по-испански:

- Посольство Венесуэлы, где посольство Венесуэлы?
- А кто вы и по какому вопросу? – по-испански же интересуется человек.
- Мы – советские шахматисты, летим на турнир в Каракас по приглашению президента.

Нам должны здесь поставить визы.

- Вам необыкновенно повезло, сеньоры.

- Почему?

– Я – посол, и я как раз уходил с работы. Минутой позже мы просто разминулись бы с вами в лифтах.

В кабинете посла возникает ощущение удачно оконченного забега. Путешествие только началось, мы даже не достигли места назначения и тем более не сделали ни одного хода на шахматной доске, но кажется, что свернули горы и совершили невероятное. Наконец-то можно расслабиться, не волноваться, позволить себе пару минут спокойно посидеть и не чувствовать сердцебиения, не слышать, как внутренний голос постоянно подгоняет тебя: «Быстрее! Быстрее! Быстрее!» Как же здорово иногда без всяких мыслей сидеть в глубоком кресле уютного кабинета в спокойном ожидании. Вот сейчас посол заполнит анкеты, сейчас наклеит фотографии... От этой мысли моментально холодею: про фотографии я совершенно забыл. Да, когда собираешься выезжать, надо сдавать фотографии в МИД, но я с готовым паспортом впервые в

посольстве другой страны, и, в конце концов, мне всего девятнадцать. Вопрос посла прозвучал одновременно с появлением мурашек на моем теле:

– Ваши фото?

Штейн протягивает свои карточки, я в растерянности сообщаю:

– У меня нет.

Лицо посла вытягивается в недоумении: видимо, он впервые видит человека, который явился за визой, не позаботившись о снимках.

– Ну, я не знаю, – изрекает он наконец. – Ума не приложу, где здесь поблизости автомат.

Мы со Штейном моментально переглядываемся. Делать нечего, была не была, и Леонид Захарович протягивает послу еще один конверт:

– А такие подойдут?

В конверте четыре мои фотографии: на одной выпученные глаза, на другой перекошенное лицо, третья в духе Эйнштейна с высунутым языком, а четвертая могла бы оказаться личной, если бы было четко видно, кто на ней изображен. Еще одно странное стечение обстоятельств. Представим себе, что сотрудница «Аэрофлота» в аэропорту Ле Бурже оказалась бы любезной и решила наши проблемы за пять минут. Мне нечего было бы сейчас предъявить послу. Ведь пока мы ждали, когда справочная выполнит наш запрос, успели немного побродить по аэропорту и наткнулись на автомат, делающий снимки. Штука, которую советский человек не мог себе даже представить. Как тут не позволить себе подурачиться вволю. Подурачились. Возможно, где-то в архивах посольства Венесуэлы во Франции сохранились анкеты двенадцатого чемпиона мира по шахматам, президента Советского фонда мира, депутата Государственной думы Российской Федерации, где на снимках он выглядит, скажем так, не совсем официально. Визу в моем паспорте украсила четвертая фотография, на которой с трудом можно было различить человека, и проверяющим на каждой границе пришлось потом долго вздыхать, проклинать посольских и горестно качать головой.

Дальше добирались мы в Каракас без приключений, но в самолете из Амстердама Штейн вспомнил, что оставил в зале Ле Бурже на сиденьях свой плащ. Не знаю, зачем понадобился Леониду Захаровичу плащ в экваториальной Венесуэле в июне месяце. Рука судьбы, вероятно, была уверена в том, что этот предмет одежды ему не пригодится, а потому поберегла его и заботливо хранила на тех же сиденьях до нашего возвращения в Париж.

А после Парижа снова Москва, охваченная летним ливнем, который наконец дарит моей обожженной в Каракасе коже долгожданное облегчение. Интересно, что в Венесуэле на меня произвел впечатление номер люкс, в котором мы оказались по доброте аргентинского гроссмейстера, но люкс этот не шел ни в какое сравнение с номером, в котором мы со Штейном прожили два дня, отчитываясь о поездке в отделе выездов. Сто двадцать квадратных метров, на которых разместился даже рояль, тканые вручную ковры, богатые хрустальные люстры. Где сейчас все это великолепие гостиницы «Москва», перестроенной во времена Лужкова в «Four Seasons», где чудесный малахитовый вестибюль ее ресторана? Все ушло, кануло в пропасть алчности и беззакония. Но живы воспоминания о былом, о бывших поездках, о бывших соперниках, которые часто становились добрыми попутчиками и славными приятелями, как это случилось со Штейном, ставшим для меня Леней, несмотря на семнадцатилетнюю разницу. Сколько всего он мог бы успеть, сколько еще вершин покорить, сколько призов и титулов заработать своим бесспорным талантом, если бы не внезапная смерть в семьдесят третьем году. Говорили, что организм не выдержал прививок, сделанных ему перед межзональным турниром в Бразилии, но организму было всего тридцать восемь. Нелепо, страшно, бессмысленно. Величайший гроссмейстер, хороший друг и очень смелый, достойный человек. Рассказывали, что когда в шестьдесят седьмом году он выиграл турнир, посвященный пятидесятилетию советской власти, органы настойчиво просили его подписать обращение против израильских агрессоров в Палестине, но Штейн наотрез отказался, не побоявшись пойти против системы и открыто

продемонстрировать свою гражданскую позицию. Сейчас, когда людям может прийти в голову играть на гитаре и вопить нецензурные тексты в храмах, выводить детей на митинги и обнажать в соцсетях все, что можно и нельзя, сложно оценить смелость поступка Лени, но люди постарше, безусловно, оценят и многое поймут об этом замечательном человеке.

Планета по имени Корчной и неуловимый Бобби

Особое место в моей жизни и в шахматной биографии занимают отношения и матчи с Виктором Корчным. В семьдесят четвертом году мы с ним решали в финальном поединке, кто станет претендентом на звание чемпиона и выйдет на Бобби Фишера. Перед этим я обыграл в четвертьфинале Льва Полугаевского, а в полуфинале – Бориса Васильевича Спасского. Корчной же одержал верх над Мекингем и Петросяном. Нервное напряжение у нас обоих перед финалом было запредельным, и, полагая, Корчной был абсолютно уверен в том, что больше меня заслуживает право на встречу с Фишером. В его активе были опыт и возраст, но я не собирался сдавать позиций и уступать, чем не мог не вызывать его раздражения.

За некоторое время до начала финального матча начались и переговоры Федерации с Фишером, который выдвигал все новые и новые условия и требования. Всем они казались странными, нелогичными и в общем несправедливыми. Условия Фишера активно обсуждались в том же семьдесят четвертом на конгрессе во время Олимпиады в Ницце, куда Бобби прислал телеграмму с требованием изменить регламент будущего матча и сделать партии безлимитными. Ему уступили, как уступили и в еще шестидесяти трех требованиях. Но шестьдесят четвертое условие было откровенно варварским: Фишер предлагал при достижении девяти побед дать чемпиону мира возможность объявить о завершении матча и признать его выигранным. Таким образом, согласно условиям американца, получалось, что в лимитном матче претенденту для победы было достаточно обыграть чемпиона с перевесом в одно очко, а при новом раскладе надо было обыгрывать с перевесом в два, ведь при счете 9:9 чемпион имел право стать победителем без дальнейшей борьбы. Перевес в два очка в матчах на звание чемпиона мира – это сложнейшая задача, практически невыполнимая. Когда играют два достойных и сильнейших противника, многие матчи заканчиваются вничью. Думающим людям этот хитрый завуалированный подход был понятен, поэтому такое требование Фишера Федерация не приняла.

Свое отношение к условиям американца мы и должны были высказать во время конгресса. Я хоть и не стал еще чемпионом мира, но в свои двадцать три года (первый и, наверное, единственный случай в истории советских шахмат) играл на первой доске и был капитаном сборной, в команде которой играли три чемпиона мира: Таль, Спасский и Петросян. Мне казалось, что в данной ситуации мы с Корчным должны выступить на конгрессе и обозначить нашу позицию вместе. Во-первых, оба – претенденты; во-вторых, он на двадцать лет старше и опытнее и его имя в шахматном мире имеет безусловный вес. Но Виктор неожиданно передал инициативу в мои руки, заявил, что он может разнервничаться и что-то не то сказать, и попросил выступить меня, как более молодого и сдержанного. Я пошел на это, но предупредил, что буду говорить от имени обоих, ссылаться на него и, естественно, хочу видеть его в зале. Корчной легко со всем этим согласился, и я выступил, представив нашу позицию по отношению к требованиям Фишера абсолютно обоюдной, согласованной и однозначной.

Но когда я обыграл Корчного в финальном матче претендентов, он, очевидно, воспринял это как личное оскорбление и решил, что теперь Фишер во что бы то ни стало должен отстоять свое чемпионское звание. Корчной дал интервью корреспонденту югославского телеграфного агентства «ТАНЮГ» Божидару Кажичу, который одновременно занимал пост и вице-президента ФИДЕ. И в своем интервью Виктор однозначно заявил, что все требования Фишера абсолютно справедливы, нам следует прекратить дискуссию, согласиться на все и играть матч. Слова эти и наша Федерация, и шахматисты, и лично я восприняли как предательство, хотя санкции, которые за ними последовали, мне сразу показались чрезмерными. Петросян, затаивший на Корчного злобу из-за проигрыша в отборочном матче претендентов в Одессе, придумал идею дисквалифицировать его на два года и запретить ему играть в каких-либо соревнованиях. Решение это было принято без моего участия, я даже не предполагал, что такое возможно:

жил в Ленинграде и был далек от столичных разборок. Когда узнал, не смог удержаться от возмущения. Как бы ни был человек не прав в своих суждениях, какими бы предательскими ни казались его слова, на мой взгляд, бесчеловечно устраивать запрет на профессию. Что будет делать композитор, если его лишат рояля, много ли напишет писатель без ручки и печатной машинки? Да и дворник без метлы и лопаты чистоту не наведет. Я долго доказывал во всех инстанциях несправедливость принятых мер, и в конце концов, прежде чем вернуть Корчного за доску, меня попросили поручиться за него, что я и сделал, нисколько не задумываясь о том, может ли мое поручительство впоследствии сыграть со мной злую шутку.

В семьдесят шестом году, когда политические отношения с Израилем были натянуты до предела, Советский Союз отказался от поездки на шахматную олимпиаду в Хайфу. С моей точки зрения решение это было ошибочным и недальновидным, оно дало повод для всех олимпийских бойкотов, которые впоследствии потрясли мир. Олимпиаду в Хайфе собирались бойкотировать не только мы, но и арабские страны. И за несколько месяцев до ее начала Ливия в лице своего лидера Муамара Каддафи обратилась в ФИДЕ с предложением провести контролимпиаду на своей территории. Федерация никаких склок и скандалов не хотела, предложила Ливии провести следующую олимпиаду и на этом успокоиться. Но Каддафи решил идти до конца в своей постоянной борьбе с Израилем и не стал отказываться от своих намерений. Идею Ливии с восторгом приняли арабский мир и многие страны соцлагеря, в том числе и наша. Однако я не был настроен столь оптимистично. Если при простом отказе от поездки в Хайфу еще можно было сохранить лицо, то отправить на турнир в Ливию, где ненавидят не только Израиль, но и все его население, команду, в которой большинство ее членов – евреи, и не потерять престиж было просто невозможно. К моему мнению в Спорткомитете прислушались и решили сформировать команду по национальному признаку, оставив меня в ранге капитана. От такого расклада я сразу же отказался, мгновенно представив, что стану рупором советского антисемитизма. И в конце концов было принято политически верное решение в олимпиаде не участвовать, но оказать Каддафи техническую поддержку, послать в Ливию специалистов, которые помогут и с оснащением, и с организацией турнира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.